Археологические вести

— 31 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин (главный редактор), академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов

Издательская группа:

А. В. Гилевич, Т. С. Дорофеева, В. Н. Кузнецова, Е. В. Новгородских, Е. Е. Носова, Т. А. Тарабардина

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 31** / [Гл. ред. В. А. Лапшин]. — СПб., 2021. — 381 с.: ил.

Очередной номер журнала «Археологические вести» посвящен юбилею Наталии Вадимовны Хвощинской. В разделе «Наш юбилей» собраны воспоминания друзей и коллег, библиография работ, а также фотографии разных лет. Часть «Городище и Новгород» содержит статьи, посвященные изучению Рюрикова городища и древнего Новгорода. В следующих разделах представлены работы по археологическим исследованиям древностей Восточной Европы и истории науки. Среди авторов журнала — исследователи из Новгорода, Пскова, Санкт-Петербурга, Москвы, Петрозаводска.

The current issue of the Yearbook “Archaeological News” is dedicated to the jubilee of Natalya Vadimovna Khvoshchinskaya. The section “The hero of the jubilee” unites reminiscences of her friends and colleagues, a bibliography of her published works and photographs of different years. The section “Gorodishche and Novgorod” comprises articles dealing with investigations of Ryurikovo Gorodishche (Rurik’s Hillfort) and ancient Novgorod. The next sections present archaeological studies of antiquities of East Europe and the history of science. Among the authors of the Yearbook there are researchers from Novgorod, Pskov, Saint Petersburg, Moscow and Petrozavodsk.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — Рюриково городище. Большая круглая фибула IX–X вв. в стиле Борре (раскопки 1998 г.)

First page of cover — Ryurik Gorodishche. Large circular brooch of the 9th–10th century in Borre style (excavations in 1998)

Четвертая страница обложки — Наталия Хвощинская в Новгороде (2019 г.)

Fourth page of cover — Nataliya Khvoshchinskaya in Novgorod (2019)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание «Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Элитарные изделия из курганов на р. Оять (Ленинградская область)

С. И. Кочкуркина, О. В. Орфинская¹

Аннотация. В статье рассматриваются фрагменты элитарных изделий из курганов X–XII вв. на р. Оять: шелковые ткани, воротники с вышивкой, золотные нити. Авторы пришли к заключению о ценности изделий и предполагаемом месте их изготовления. Вероятно, существовали центры, куда поступали шелковые ткани и шелковые нити и где в меру своего умения женщины вышивали некоторые детали одежды, расходившиеся по значительной территории. Не очень высокий уровень выполнения вышивки не позволяет отнести воротники из приладожских курганов к продукции великокняжеских мастерских, но дорогие материалы (шелк и золотные нити) не могли быть предметами домашнего рукоделия.

Annotation. This paper considers fragments of elite objects of the 10th–12th century from kurgans on the Oyat River. It is silk textiles, embroidered collars, and gold-woven threads. The authors arrived at the conclusion about the high price of these objects and the hypothetical place of their manufacture. Possibly, there were centres to which silk cloths and silk threads were imported and where women, to the extent of their skill, embroidered some details of clothes, then distributed throughout a considerable territory. The rather inconsiderable qualitative level of the embroidering does not allow us to attribute the collars from the Ladoga kurgans to products of the grand-ducal workshops but the expensive materials (silk and gold-woven threads) could not have been objects of simple domestic needlework.

Ключевые слова: Приладожье, р. Оять, курганы, шелковые ткани, золотные нити, вышивка.

Keywords: Lake Ladoga region, Oyat River, kurgans, silk textiles, gold threads, embroidering.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-31-252-263

Ареал курганной (приладожской) культуры на рубеже I–II тысячелетий включал Юго-Восточное Приладожье и район Прионежья с бассейнами рек Сясь, Тихвинка, Воронежка, Паша, Капша, Оять, Свирь, Олонка, Тулокса, Видлица и северное побережье Онежского озера. В целом вскрыто более 700 насыпей. Примерно в полусотне географических точек имеются еще около 750 неисследованных курганов, сопки и некоторых других памятников. Кроме того, найдено несколько кладов восточных и западноевропейских монет XI–XII вв.: на р. Паша — два, на р. Оять — один, на р. Свирь — шесть кладов. Три клада монет X–XI вв., выявленные на территории Карелии, также синхронны приладожской курганной культуре.

Курганы начали изучаться в 70-е гг. XIX в. финляндским исследователем Д. Е. Д. Европеусом. В 1878–1884 гг. погребальные памятники на р. Паша и ее притоках исследовал генерал артиллерии Н. Е. Бранденбург. Он опубликовал документацию о 120 насыпях, однако сохранившиеся дневники содержат информацию о большем числе. В предреволюционные годы изучением погребальных памятников занимался А. И. Колмогоров. По далеко не полным данным, он раскопал 69 насыпей и 22 сопки, но информация о них либо скудна, либо отсутствует вообще. В 1909 г. Н. И. Репников у дер. Городище на р. Сясь вскрыл пять курганов.

Много внимания курганным древностям уделял В. И. Равдоникас. Исследования, начатые им в 1915 и 1919 гг., с 1926 г. стали систематическими. Они охватили Юго-Восточное Приладожье, южную часть Карелии и северное побережье Онежского озера. В итоге В. И. Равдоникас исследовал 114 курганов в 33 группах, две сопки (дер. Красная

¹ Кочкуркина С. И. — ИЯЛИ Карельского НЦ; ул. Пушкинская, д. 11, Петрозаводск, 185910, Республика Карелия, Россия; e-mail: svetlana.kochkurkina@mail.ru. Орфинская О. В. — Центр египтологических исследований РАН; ул. Спиридоновка, д. 30/1, Москва, 123001, Россия; e-mail: orfio@yandex.ru.

Заря) и пять кладбищ на Олонецком перешейке. В 40-х гг. XX в. известный финляндский археолог Э. Кивикоски обследовала две насыпи на р. Видлица. Большая заслуга в изучении курганов на р. Оять принадлежит А. М. Линевскому, раскопавшему в течение 1947–1949 гг. 174 погребальных памятника.

В 1960–1970 гг. курганы Приладожья и Прионежья исследовались С. И. Кочкуркиной, В. А. Назаренко, Г. С. Лебедевым, В. А. Кольчатовым, Т. Л. Верхорутовой и В. Я. Конечским. Тогда же научным сотрудником Тихвинского краеведческого музея И. П. Крупейченко произведены раскопки в Тихвинском и частично Бокситогорском районах Ленинградской области. В 1987–1990 гг. О. И. Богуславским и А. Д. Мачинской исследовался археологический комплекс (курганы, городище и селище) у дер. Городище; в 1989 г. А. М. Спиридоновым раскапывалась разрушенная группа курганов у дер. Кокорино в Уницкой губе Онежского озера. Исследования единичных насыпей продолжались и позднее (Кочкуркина, 2017. С. 76–80).

Приладожье, находясь вблизи важнейших раннефеодальных торговых путей между Западом и Востоком, занимало видное положение как во внутренней, так и во внешней торговле, что сыграло важную роль в социально-экономическом развитии региона. Осуществлялись торговые связи со Скандинавией, Прибалтикой, Византией, приволжскими, среднеазиатскими народами и странами арабского Востока. Об этом свидетельствуют найденные в погребениях X в. части весов и гири вместе с предметами вооружения скандинавского типа, поскольку торговля в те времена была сопряжена с большими опасностями. Приладожье являлось крупным поставщиком пушнины — самого ходового товара на всех рынках мира. Сохранившиеся в погребальных памятниках ювелирные изделия, бусы, монеты, оружие, шелковые ткани, клады монет — яркие доказательства оживленной торговли в период раннего средневековья.

О населении, оставившем приладожские курганы, много спорили, но, в конце концов, пришли к заключению, что в основной своей массе оно было прибалтийско-финского происхождения и в меньшей степени скандинавского, к которому позднее добавились славяне.

Умерших в парадной одежде и в сопровождении тех предметов, которыми они пользовались в жизни, укладывали по разные стороны от очага: женщин — в западной части, мужчин —

в восточной, преимущественно на спине, головой на юг или с некоторым отклонением в сторону. На прогоревший костер/очаг ставили кухонный инвентарь: железный или бронзовый котел с цепью для подвешивания, сковороду, сковородник, лопатку, горшки, и потом курган насыпался до нужной высоты. Полный набор перечисленного инвентаря редок, чаще присутствовали один или несколько предметов. В курганах погребены взрослые, изредка — подростки, детские захоронения единичны (видимо, их хоронили иначе). О затухании курганной погребальной обрядности свидетельствуют малочисленные группы курганов XII–XIII вв. на Олонецком перешейке. Умершие погребены в могильных ямах и деревянных сооружениях — гробовищах, срубах, колодах — и ориентированы головой на запад и восток. В XIII в. курганы как форма погребальных памятников прекращают свое существование.

Курганы р. Оять отличались своеобразием погребального обряда и оригинальностью инвентаря, что позволяет говорить об особой этнической группе населения. Уже в X в. в погребальной традиции прибалтийско-финского оятского населения проявляются своеобразные черты: заворачивание сожженных (кальцинированных) костей умершего и вещей в бересту, покрывание умершего берестой и посыпание сверху кальцинированными костями непонятного происхождения, присутствие специфических вещей. Это, прежде всего, бусы-«флакончики», кресала с бронзовыми рукоятками, подвески, изображающие оленя или лося, прорезные и полые подвески-уточки. В ранних оятских курганах в одном и том же комплексе присутствовали как предметы западноевропейского происхождения, так и характерные для местного населения изделия. В погребениях X–XI вв. предметы, свойственные местному населению, становятся разнообразнее. К ним добавляются бронзовые ключи-амулеты, двойные бронзовые пронизки, пластинчатые кресала. Как и в предыдущей группе, на очагах и кострищах встречались слабо обожженные специально приготовленные для погребений лепные сосуды. Отголосками более древних традиций является наличие в более поздних курганах свертков из бересты с остатками кремации и вещами или отдельного комплекта вещей. Появляются срубы и могильные ямы, захоронения отдельных черепов и более-менее отчетливые следы жертвоприношений и насильственной смерти.

Рис. 1. Карта. Курганы с остатками текстиля: 1 — Новосельск-14; 2 — Заозерье-6; 3 — Леоново-112; 4 — Акулова Гора; 5 — Кургино; 6 — Алеховщина-1; 7 — Гайгово; 8 — Ньюбиничи; 9 — Кяргино-Круглицы; 10-11 — Чёлмузи

Fig. 1. Map. Kurgans with remains of textiles: 1 — Novoselsk-14; 2 — Zaozerye-6; 3 — Leonovo-112; 4 — Akulova Gora; 5 — Kurgino; 6 — Alyokhovshchina-1; 7 — Gaygovo; 8 — Nyubinichi; 9 — Kyargino-Kruglitsy; 10-11 — Chyolmuzhi

Курганы на р. Оять можно считать древневепскими, хотя не исключается вепская принадлежность и других насыпей, приписываемых местному прибалтийско-финскому населению. Этот вывод хорошо согласуется с результатами лингвотопонимических изысканий (Кочкуркина, 2016).

Богатейший материал курганов представлен ювелирными изделиями из цветного металла, предметами железоделательного производства, вооружением, глиняной и металлической посудой, фрагментами текстиля.

Ткани из погребений приладожской курганной культуры впервые были подвергнуты комплексному анализу О. И. Давидан (Давидан, 1989). Ею изучены 78 образцов текстиля: 42 — из фондов Гос. Эрмитажа (раскопки В. И. Равдоникаса, Г. П. Гроздилова и Н. Н. Черныгина), 36 — из фондов ИЯЛИ КарНЦ РАН (раскопки А. М. Линевого). Технологический анализ осуществлен О. И. Давидан, анализ волокна проведен в химической лаборатории Гос. Эрмитажа Е. А. Миколайчук по методу, примененному ранее при исследовании старолдожских тканей (Там же). В 2013–2014 гг. было проведено комплексное исследование оставшихся в фондах ИЯЛИ КарНЦ РАН 94 текстильных образцов (Кочкуркина, Орфинская, 2014).

Изделия, где использовались дорогие материалы, обычно относят к статусным. Почти наравне с золотом в период раннего средневековья ценились шелковые ткани, ленты, затканые золотными нитями, и золотные вышивки на шелке. Исследованию этих элитарных изделий и посвящена данная статья.

Для определения структуры тканей и природы текстильных волокон применялись методы оптической микроскопии; качественный и количественный состав золотных нитей выявлен путем микрорентгеноспектрального анализа. Предметом исследования являются шелковые ткани и ленты с золотными нитями из курганных групп Кургино, Кургино-2, Кяргино-Круглицы и Акулова Гора (рис. 1).

Воротники с вышивкой

Фрагмент одного из воротников был обнаружен в погребении курганной группы Кургино-2, а фрагменты второго — в Кяргино-Круглицы-5, располагавшихся друг от друга на расстоянии около 40 км вдоль по реке.

Эти два фрагмента (рис. 2) имеют много общих черт.

1. Одинаковое изображение птиц в арках (рис. 3, 1). Сама композиция не отличается особой оригинальностью или выраженным русским стилем. Это довольно типичный сюжет для декоративных изделий византийского круга. Похожее изображения птиц и прочих зверей в арках известны на европейских вышивках, но, конечно, это не свидетельствует о европейском производстве: это общий сюжет, вероятно, своеобразная дань распространенной в то время моде.

Рис. 2. Общий вид фрагментов воротников с вышивкой: 1 — фрагмент из Кургино-2; 2 — фрагмент из Кяргино-Круглицы-5. Масштаб: а — для 1; б — для 2

Fig. 2. General view of the fragments of embroidered collars: 1 — fragment from Kurgino-2; 2 — fragment from Kyargino-Kruglitsy-5. Scale: а — for 1; б — for 2

2. Они сшиты из ткани, характеристики которой одинаковы для двух фрагментов, это шелк (саржа 2 : 1), окрашенный в зеленый цвет (рис. 3, 2–5).

3. Аналогичны уровень выполнения и техника вышивки (рис. 3, 6–7), характерная для многих вышитых изделий домонгольской Руси. Так, шов «в прикреп», который долго воспринимался как вышивка «на прокол», фиксируется в вышитых изделиях Древней Руси (Фехнер, 1993. С. 13–20; Катасонова, 2005; Титова и др., 2015. С. 115). В X–XII вв. подобный способ шитья был распространен не только на Руси, но также в Византии и странах Западной Европы (Фехнер, 1993. С. 5).

4. Использование одинаковых нитей для вышивки. Это золотные нити двух видов: с полоской металла из серебра² и серебра с двухсторонним

золочением. Позолоченные полосы были навиты на шелковый сердечник, а серебряные — на льняной.

Наличие двух фрагментов от однотипных изделий (но не от одного изделия) можно объяснить либо единым местом производства, продукция которого распределялась среди состоятельного населения, проживающего по берегам р. Оять, либо, что маловероятно, ошибкой при фиксации материала в 1940-х гг. Если исключить второе предположение, то можно заключить, что вышитые воротники были изготовлены одним мастером (об этом свидетельствуют техника и уровень выполнения работ), в составе одной партии (подтверждается одинаковыми исходными материалами), в течение достаточно короткого промежутка времени (один рисунок). Между погребениями Кургино-2 и Кяргино-Круглицы-5 существует небольшой хронологический разрыв, возможно, порядка 10–20 лет, в пределах XI в. Это хорошо вписывается в предложенную версию.

² От полоски металла сохранились только продукты коррозии серебра.

Рис. 3. Воротники с вышивкой: 1 — прорисовка вышитого рисунка, фрагмент из Кяргино-Круглицы-5; 2–5 — ткань; 6–7 — техника вышивки

Fig. 3. Embroidered collars: 1 — tracing of an embroidered design, fragment from Kyargino-Kruglitsy-5; 2–5 — cloth; 6–7 — technique of embroidering

Исходя из всего вышесказанного можно высказать предположение о существовании некоего «Центра N», куда поступали и шелковые ткани, и нити для вышивки. В данном случае нити можно разделить на самостоятельные потоки: шелковые нити, золотные нити (желтые — серебро с позолотой) на шелковом сердечнике и золотные нити (белые — серебро) на льняном сердечнике. Шелковые ткани, шелковые нити, а также золотные нити, состоящие из шелкового сердечника и

навитой на него полоски позолоченного металла, принято считать импортом. Происхождение нити, где полоска серебра намотана на льняной сердечник, не так очевидно.

Аналогичные изделия — вышитые шелковые воротники — зафиксированы во многих памятниках (Фехнер, 1993; Сабурова, Елкина, 1991; Энгелатова и др., 2005; Яковчик, 2018). Однако наиболее близким по использованным материалам является воротник из курганного могильника

у пос. Волга (Тверская область) XII в. (*Степанова и др.*, 2019). На этом фрагменте композиция строится также из арок, но их наполнение другое (поясная фигура и круг). Не только принадлежность изделия к одинаковым деталям одежды, но и декоративная арочная композиция роднит этот объект с воротничками из приладожских курганов. Главное их сходство — это ткань: зеленая саржа 2 : 1. Наблюдаются некоторые отличия в толщине нитей и степени крутки, которые можно объяснить различной степенью сохранности или длительностью использования этих тканей. Однако способ окраски и, главное, ее низкое качество позволяют отнести их к одному производственному центру. Но где он располагался? Это не центр с развитыми текстильными, в частности красильными, технологиями — это место, где производились простые ткани и осуществлялась их окраска на низком технологическом уровне³. К таким местам можно отнести периферию развитых центров Средней Азии.

Существенные различия между воротничками из приладожских курганов и воротником из могильника Волга заключаются в технике вышивки, которая выполнена швом «в прикреп» с золотными нитями, ровно лежащими на ткани, а не проходящими петлями наизнанку. Это более прогрессивный прием вышивки, который впоследствии закрепился как основной в золотном шитье.

Имея два таких объекта, существенно разнесенных по времени, можно предположить, что простые саржевые ткани зеленого цвета какое-то время приходили на Русь и получали распространение на разных ее территориях. Большой временной разрыв объясняется отношением людей к ценным вещам, которое существовало в любых культурах. Чем беднее и «проще» культура, тем дольше период бытования таких вещей. Вероятно, вышивкой занимались мастера в определенных центрах там же, где и изготавливались престижные изделия, далее становившиеся товаром. Уровень выполнения вышивки на данных воротничках не отличается высоким качеством,

следовательно, это не мастерские, где работали профессионалы, например, княжеские или монастырские (*Фехнер*, 1993. С. 4). Шелковые и золотные нити — довольно дорогие материалы, значит, они не могли быть продуктом домашнего производства. Можно предположить существование крупного хозяйства, в котором вышивка являлась одним из направлений хозяйственной деятельности. Для средневековой Европы считалось необходимым для женщин высшего света заниматься рукоделием, в основном вышивкой (об этом свидетельствует, например, так называемый гобелен Бойе) и ткачеством лент (сохранилась лента XIII в. с надписью «королева Элеонора (Кастилии) сделала меня» (*Spies*, 2000. Р. 8)). Но такие вещи не предназначались для продажи. Возможно, на Руси женщины в богатых домах, подражая сестре Владимира Мономаха Анне Всеволодовне (*Фехнер*, 1993. С. 4), открывали мастерские по вышивке золотом и серебром при своих дворах или ближайших монастырях, как это было развито в XVI–XVII вв. (*Калинина*, 2003. С. 64).

Золотные ленты, тканые на дощечках

Ленты из курганной группы Кургино (рис. 4) вполне соответствуют стандарту импорта. В них использовались только шелковые нити, как для основы, так и для утка (базового и золотного).

Лента из курганной группы Кяргино-Круглицы (рис. 5), также сотканная на дощечках, отличается тем, что для формирования узора использовались два вида золотных нитей: с позолоченной полоской металла (сплав серебра с небольшим процентом золота и меди), навитой на шелковый сердечник, и нить, вероятно, с серебряной полоской (не сохранилась), навитой на льняной сердечник. Золототканая лента, где использовались нити с полоской металла из серебра и серебра с позолотой, встречается нечасто, для этого времени фиксируются единичные находки в Скандинавии (*Spies*, 2000. Р. 65) и в Пскове (*Зубкова, Орфинская*, 2015. С. 376), но там они навиты на шелковый сердечник.

Кроме того, для основы наряду с шелковой использовали и льняную нить. Ленты, где нити основы частично состоят из шелковых и льняных нитей, зафиксированы в Гнёздово (*Орфинская*, 2018. С. 423–442). Ленты из кургана Ц-189 и ПОль-62 имеют льняные нити, проходящие в кромках. Аналогичная картина наблюдается на некоторых лентах, обнаруженных в Северной Европе, где некоторые ученые считают их местными (*Spies*, 2000. Р. 58).

³ Микроскопические исследования показали наличие крупинок синего красителя индиго на поверхности волокон, распределение этих скоплений неравномерное в пределах одного волокна и между волокнами. Это значит, что окрашивали или нити, или готовую ткань. Если окрашивали нити, то место окраски и место ткачества совпадают, а если окрашивали ткань, то они могут быть разнесены.

Рис. 4. Ленты из курганный группы Кургино-2: 1 — широкая лента с ромбическим узором; 2, 4 — узкие ленты с узором «зигзаг»; 3 — широкая лента с узором «зигзаг»

Fig. 4. Ribbons from kurgan group of Kurgino-2: 1 — broad ribbon with a rhombic pattern; 2, 4 — narrow ribbons with a “zigzag” pattern; 3 — broad ribbon with a “zigzag” pattern

Уточная нить в ленте из Кяргино-Круглицы тоже льняная. Эта характеристика объединяет ленту из Приладожья и ленты из Гнёздово. Такое активное использование льна свидетельствует об экономном отношении к шелку.

Крайне интересно, что в ленте и вышивке из одного кургана зафиксированы одинаковые нити (серебро на льняном сердечнике и серебро с позолотой на шелковом). Но состав металла в сохранившихся золотных нитях разных.

Использование нитей различной природы в одном изделии, например шерсти и льна, — явление вполне обычное. В приладожских курганах обнаружено несколько полушерстяных лент с различными вариантами рисунков. Причем в Гайгово-1 и Кургино-1 встречены фрагменты совершенно идентичных лент. Простота узора и доступность материалов позволяют высказать предположение, что это продукт местного домашнего производства. Ленты такого типа присутствуют в различных домонгольских могильниках и являются важным элементом костюма.

Использование шерстяных и льняных нитей в одном изделии характерно не только для лент, но и для тканей, к которым относится большая группа так называемых ажурных (Нахлик, 1963. С. 249–

250; Елкина, 2001. С. 16; Зоц Е., Зоц С., 2012. С. 68; Орфинская, 2012. С. 127). Название появилось благодаря разреженным полосам, которые делят ткань на квадраты. Именно на этих участках, где отсутствуют нити основы или утка, и были нити из растительных волокон, которые оказались полностью утраченными. Использование растительных волокон в данном случае позволяло создавать клетку из шерстяных и льняных нитей (красный–синий–белый или синий–белый, или коричневый–белый). Ажурные полушерстяные ткани вполне справедливо относят к производству, расположенному в центральной части Руси (по ареалу находок). В полушерстяных лентах, где лен введен в нити основы, он также служит для формирования узора. Льняная нить, которая работает как нить утка, чаще всего в узоре не участвует, являясь конструктивной, скрепляющей нити основы в единое полотно.

Исходя из вышеизложенного можно заключить, что лен использовался в текстильных изделиях двояко: для создания белого декора и в качестве рабочих нитей, не выходящих на поверхность лент. В последнем случае можно предположить, что у производителя был выбор между шерстяной или льняной нитями, и он выбирал

Рис. 5. Лента из курганной группы Кяргино-Круглицы: 1 — общий вид; 2 — схема узора (желтым выделены нити из серебра с позолотой); 3, 4 — микрофотографии при различных увеличениях: а — золотные нити на шелковом сердечнике; б — льняные нити основы

Fig. 5. Ribbon from the kurgan group of Kyargino-Kruglitsy: 1 — general view; 2 — scheme of the design (silver-gilt threads are marked with yellow); 3, 4 — microphotos at different magnifications: а — gold-woven threads on silk cores; б — flaxen threads of the warp

последнюю. Возможно, это косвенное подтверждение того, что в домонгольской Руси лен (конопля, крапива) был доступным сырьем. Современные исследования подтвердили наличие в культурном слое Ладоги IX–X вв. семян конопли и льна (Чухина и др., 2014. С. 248; 2015). Однако для произрастания льна требуются определенные условия, поэтому для многих территорий Руси лен являлся товаром. Но, вероятно, и в этом случае он был дешевле, чем окрашенная в красный или синий цвет шерсть.

Хочется отметить, что лента, сотканная на дощечках с одним утком, где узор создается за счет цветных нитей основы (шерстяные или полушерстяные), существенно отличается от золототканых лент (шелковых и полушелковых), где работают два утка, один из которых золотный (узоробразующий). Эти ленты не только относились к разным ценовым категориям, но и имели разное происхождение. Можно предположить, что ленты с цветной основой являлись продуктом местного домашнего производства, которое

Рис. 6. Золотные нити, найденные на Гнёздовском городище: 1, 2 — моток золотных нитей и фрагмент нити из него (ЦГ-XXV); 3, 4 — фрагмент металлической полоски (ЦГ-XXVI)

Fig. 6. Gold-woven threads found at the Gnezdovo site: 1, 2 — skein of gold-woven threads and fragment of thread (ЦГ-XXV); 3, 4 — fragment of a metal ribbon (ЦГ-XXVI)

было распространено повсеместно, на обширных территориях от Скандинавии до Египта. Производство же золототканых лент, требовавшее больших вложений (шелк и золотные нити) и высокого профессионализма, сосредоточивалось в ремесленных центрах.

Золотные нити

Анализируя находки, связанные с данной темой, хотелось бы остановиться на фрагментах золотных нитей, найденных в Гнёздово (Орфинская, 2018. С. 419, 420). Это остатки золотных нитей,

где сердечник был полностью утрачен (рис. 6). Интересной является одна из находок (ЦГ-XXVI), обнаруженная в культурном слое городища: небольшая полоска металла желтого цвета, шириной 0,3–0,1 мм, толщиной 0,04 мм. На одном конце она сужается и сходит почти «на нет». Следы, указывающие на ее использование, отсутствуют. Возможно, она являлась концом полоски металла для пряденой золотной нити (по толщине и ширине изделие ей соответствует), который отрезали. Если принять такую гипотезу, то можно предположить, что на данном месте (Гнёздово) могло

существовать производство пряденых золотных нитей. Еще одна интересная находка, также с городища: небольшой моток пряденых золотных нитей (ЦГ-XXV), от которых сохранилась только свитая металлическая часть. Данная нить, возможно, была заготовлена для вышивки или ткачества золотной ленты. Она могла быть купленной или иметь вторичное использование, то есть быть извлеченной из изделия с золотными нитями.

Исходя из рассмотренных находок можно высказать два осторожных предположения:

- на территории Гнёздовского городища умели изготавливать пряденые золотные нити из полоски металла, навитой на импортный шелковый или местный из растительных волокон сердечник;
- золотные нити (импортные или местные) могли использоваться вторично.

По литературным данным пряденые золотные нити средневековья имели сердечник не только из шелка и льна, но и из сухожилий (*Пинягина*, 2017. С. 108) или конского волоса (*Peters*, 2002. Р. 22; *Budny*, 1992. Р. 29). Нити с экзотическими сердечниками считаются производством местных мастеров. Нити с льняным сердечником нельзя считать исключительно местными, так как лен, наряду с шелком и тонкой шерстью, являлся товаром и был доступен по всей Европе со времен Римской империи (*Spies*, 2000. Р. 15), и везде мог считаться как местным, так и импортным.

Выводы

1. Нельзя исключить производство золотных нитей на территории Руси:

- 1.1. на импортном шелковом сердечнике;
- 1.2. на местном сердечнике из растительных волокон (чаще всего — льне);

- 1.3. на сердечнике из необычных материалов, например, сухожилий или конского волоса.

2. В центре по производству таких нитей у мастеров должен быть опыт работы с металлом, возможно, в рамках ювелирной мастерской.

3. Шерстяные и полушерстяные тканые на дощечках ленты допустимо считать местными. Они не являются изделиями, которые относятся к элитарным, но свидетельствуют о знании технологии ткачества на дощечках и, следовательно, о возможном применении этих знаний и навыков в ткачестве и более дорогих изделий.

4. Допустимо предположить местное производство золототканых лент из импортных шелковых и золотных нитей, но, более вероятно, с добавлением нитей из растительных волокон, как самостоятельных, так и в качестве сердечника для золотных нитей. Уровень изготовления золотной ленты из Кяргино-Круглицы высокий, что требует, вероятно, профессиональной специализации.

5. Можно предположить, что существовали некие центры, куда поступали шелковые ткани и шелковые нити и где, в меру своего умения, женщины вышивали вещи, расходившиеся по значительной территории. Не очень высокий уровень выполнения вышивки не позволяет отнести воротники из приладожских курганов к продукции великокняжеских мастерских, но дорогие материалы (шелк и золотные нити) не позволяют считать их и предметами домашнего рукоделия.

Давидан, 1989 — *Давидан О. И.* Ткани из курганов Юго-Восточного Приладожья и Прионежья // *Кочкуркина С. И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Карелия, 1989. С. 316–336.

Елкина, 2001 — *Елкина И. И.* Текстиль из древнерусских курганов округа Звенигорода // *Звенигородская земля. История, археология, краеведение.* Звенигород: Звенигор. ист.-архитектур. и худож. музей, 2001. С. 15–28.

Зоц Е., Зоц С., 2012 — *Зоц Е. П., Зоц С. А.* Реконструкция женского погребального костюма по материалам курганного могильника Новоселки 2 // *Археология Подмосковья.* М.: ИА РАН, 2012. Вып. 8. С. 115–126.

Зубкова, Орфинская, 2015 — *Зубкова Е. С., Орфинская О. В.* Текстиль из камерных погребений Старовознесенского некрополя Пскова // *Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI в.: В 2 т.* СПб.: Нестор-История, 2015. Т. 2: Камерные погребения древнего Пскова X в. (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). С. 367–388.

Калинина, 2003 — *Калинина Е. В.* Техника древнерусского шитья и некоторые способы выполнения художественных задач // *Убрус.* СПб.: Золотошвейная мастерская при Успенском подворье Оптиной пустыни, 2003. Вып. 1. С. 64–83.

Катасонова, 2005 — *Катасонова Е. Ю.* Золотное шитье домонгольской Руси [Электронный

- ресурс] / Режим доступа: <http://ubrus.ru/node/21> (дата обращения 10.03.2018).
- Кочкуркина, 2016 — Кочкуркина С. И. Археология и топонимика // Финно-угорская мозаика: Сб. ст. к юбилею И. И. Муллонен / Отв. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2016. С. 21–32.
- Кочкуркина, 2017 — Кочкуркина С. И. Археология средневековой Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2017. 208 с.
- Кочкуркина, Орфинская, 2014 — Кочкуркина С. И., Орфинская О. В. Приладожская курганная культура: технологическое исследование текстиля. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2014. 140 с.
- Нахлик, 1963 — Нахлик А. Ткани Новгорода: опыт технологического анализа // Тр. Новгородской археологической экспедиции. М.: Наука, 1963 (МИА; № 123). Т. IV: Жилища древнего Новгорода. С. 228–313.
- Орфинская, 2012 — Орфинская О. В. Новоселки 2. Результаты исследования текстиля XII века // Археология Подмосквья. М.: ИА РАН, 2012. Вып. 8. С. 127–136.
- Орфинская, 2018 — Орфинская О. В. Текстиль Гнёздовского комплекса // Гнёздовский археологический комплекс. Материалы и исследования / Отв. ред. С. Ю. Каинов. М.: ГИМ, 2018 (Тр. ГИМ; Вып. 210). Вып. 1: Сб. к юбилею Д. А. Авдусина. С. 413–461.
- Пинягина, 2017 — Пинягина Н. С. Археологические шелковые ткани древней Руси XII–XIII вв., извлеченные из монолитов // Эрмитажная энциклопедия текстиля. Реставрация: Каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. С. 104–111.
- Сабурова, Елкина, 1991 — Сабурова М. А., Елкина А. К. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя г. Суздаль // Материалы по средневековой археологии северо-восточной Руси: Сб. науч. тр. / Отв. ред. М. В. Седова. М.: ИА РАН, 1991. С. 53–77.
- Степанова и др., 2019 — Степанова Ю. В., Орфинская О. В., Соболев В. Ю. Курганные могильники у д. Кошево и пос. Волга (Тверская область): История изучения и материалы раскопок // Записки ИИМК РАН. 2019. № 21. С. 125–139.
- Титова и др., 2015 — Титова Л. А., Орфинская О. В., Чуткина С. С. Домонгольские тканые золотные ленты и фрагменты золотной вышивки из археологических раскопок в Старой Руссе. Результаты исследования // Новгород и Новгородская земля. Искусство и реставрация: Материалы VI науч.-практич. конф. (9–11 декабря 2014 г.). Вып. 6: Великий Новгород / Под ред. Т. М. Воронина. СПб.: Первый ИПХ, 2015. С. 110–119.
- Фехнер, 1993 — Фехнер М. В. Древнерусское золотное шитье X–XIII вв. в собрании Государственного Исторического музея // Средневековые древности Восточной Европы: Сб. ст. / Отв. ред. Н. Г. Недошивина. М.: ГИМ, 1993 (Тр. ГИМ; Вып. 82). С. 3–21.
- Чухина и др., 2014 — Чухина И. Г., Радыш Д. В., Григорьева Н. В. Предварительные результаты изучения растительных макроостатков по материалам раскопок 2010 года в Старой Ладоге // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии: Сб. ст. памяти Д. А. Мачинского: по материалам XVII чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 2012 г.) и XVIII чтений памяти Анны и Д. А. Мачинских (Старая Ладога, 22–23 декабря 2013 г.) / Ред. В. Т. Мусбахова. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 244–251.
- Чухина и др., 2015 — Чухина И. Г., Радыш Д. В., Григорьева Н. В. Опыт сопоставления результатов карпологических исследований Земляного городища Старой Ладogi и городища Камно // АиИППиЗ. М.; Псков; СПб.: Нестор-История, 2015. Вып. 30. С. 221–230.
- Энговатова и др., 2005 — Энговатова А. В., Орфинская О. В., Голиков В. П. Исследование золототканых текстильных изделий из некрополей Дмитровского кремля // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга: Сб. ст. / Отв. ред. Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М.: Наука, 2005. С. 176–196.
- Яковчик, 2018 — Яковчик М. С. Золотные нити на территории Древней Руси домонгольского периода: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / МГУ им. М. В. Ломоносова. Ист. фак. // НБ МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2018. 499 л.
- Budny, 1992 — Budny M. The Maaseik Embroideries // Medieval World. 1992. Jan./Feb. P. 23–30.
- Peters, 2002 — Peters C. O. The Silk Road Textiles at Birka: An Examination of the Tablet woven Bands / Textile Society of America Symposium. Silk Roads, Other Roads: Proceedings of the 8th Biennial Symposium of the Textile Society of America (September 26–28, 2002). Smith College, Northampton, Massachusetts [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://digitalcommons.unl.edu/tsaconf/539> (дата обращения 10.10.2015).
- Spies, 2000 — Spies N. Ecclesiastical Pomp & Aristocratic Circumstance: A Thousand Years of Brocaded Tablet woven Bands. Minnesota: Arelate Studio Jarrettsville, Maryland, 2000. 341 p.

Elite objects from kurgans on the Oyat River (Leningrad Oblast)

S. I. Kochkurkina, O. V. Orfinskaya

The very rich heritage of the kurgan culture of the Ladoga and Onega regions of the 10th–12th century until presently attracts the interest of researchers. The use of modern techniques allows us to reveal such details of the material culture which it is impossible to establish by merely archaeological methods. This paper analyses fragments of textiles from tumuli on the Oyat River (Kurgino, Kyargino, Akulova Gora): silk textiles, collars with embroidering, gold-woven bands. The authors made the conclusion that, quite possibly, gold-woven threads were manufactured in the territory of Rus' in some centre where there were fairly skilled artisans and from where these products were distributed throughout vast territories. The rather inconsiderable qualitative level of embroidering suggests that collars from Ladoga barrows were not products of grand-ducal workshops. However the woollen and half-woollen bands woven on planks were undoubtedly local products.